
А снег не знал
и падал...
NEW YEAR
Мия Королёва

Мия Королёва
А снег не знал и падал...

https://litres.ru/75064299
SelfPub; 2026

Аннотация

В один прекрасный день Варя Зимина необъяснимым образом обнаруживает себя в собственной семнадцатилетней версии.

Вместо взрослой жизни - снова школьные уроки, одноклассники и подготовка к новогоднему празднику. Вместо привычных забот - розовая «Моторола», блеск для губ и песни, которые когда-то звучали из каждого телефона.

Но самое удивительное: Варя снова встречает людей, которых знает всю жизнь. Только теперь она может посмотреть на них другими глазами. Не связываться со Славой, который когда-то заставлял её сомневаться в себе? Попробовать построить отношения с Ильёй, которого она когда-то упустила? Или просто наслаждаться юностью, зная, что впереди ещё целая жизнь?

Казалось бы, у взрослой женщины есть огромное преимущество перед подростками: она уже знает, как устроен мир. Но чем больше Варя погружается в школьную жизнь, тем яснее понимает: некоторые вещи невозможно исправить одним правильным решением.

Мия Королёва
А снег не знал и падал...

Глава 1

Все персонажи вымышлены. Любые совпадения случайны. Некоторые черты взяты из разных реальных людей, но ни один персонаж не является копией конкретного человека.

Глава 1

- Ангелина, сделай потише, дочь! – в очередной раз кричу я, но мой неуправляемый подросток меня либо игнорирует, либо не слышит. Ну конечно, на такой-то громкости музыку слушать – так и оглохнуть можно. Меня уже тошнит от этого «сигма-боя». Какие же дурацкие тексты песен нынче пишут.

После долгого рабочего дня, где я восемь часов напролет синхронно переводила испанскую речь на русский и наоборот, меньше всего мне бы хотелось слышать дополнительный шум. Готовая психануть, уверенным шагом направляюсь к комнате Ангелы, стучусь, но и стука она не слышит. Тогда я беспардонно открываю дверь и вижу, как дочь в очередной раз красит глаза своими золотыми блестками, которые я по-

том отмываю по всей квартире.

- Мама! Стучать не учили?! – резко заявляет она.

- Уши прочисти, я и звала тебя, и стучала. Музло свое выруби. И что я тебе про блестки говорила? Мало того, что они потом сыпятся, так ты с ними еще и выглядишь как Сергей Зверев.

- Мама! В нашей школе сейчас все делают такой мейк! Как будто ты не красилась так никогда, - Ангелина разворачивается обратно к зеркалу, намазывает щедрым слоем палец и также щедро наносит блестки на веко.

- Так уж мы точно не красились, - говорю я и бросаю взгляд на рюкзак дочери, который валяется на полу. Оттуда торчат шпаргалки. Я, конечно, в шоке, что дети до сих пор делают бумажные шпоры, но больше меня раздражает тот факт, что она списывает, а не учится сама, и мы об этом много раз говорили. – Ты опять шпоры по русскому себе накатала? Когда сама уже учиться будешь?

- Мама, я отлично разговариваю и пишу, и считаю, что этого достаточно. Мне не обязательно помнить все правила, если я не собираюсь в лингвисты, как ты.

Закатываю глаза. Мне уже надоело объяснять ей, что каждый предмет по-своему важен. Да, моя дочь молодец: она отлично знает математику и физику, чего нельзя было сказать обо мне в свое время, но иногда мне хотелось, чтобы Ангела по всем предметам успевала, а не только по тем, что ей интересны. Хорошо же быть разносторонним человеком.

Осматриваю комнату. Опять бардак. Снова куча шмотья на стуле, а не в шкафу. Там широкие джинсы в основном и оверсайз-худи. И почему моя дочь такая пацанка? Ей 14, она выглядит очень женственно. Ей так идут платья и юбки. Но нет, нужно обернуться как капуста. Стараюсь это принимать, но понять не могу.

- Сделай, пожалуйста, потише. Я устала.

Ангелина снижает громкость и возвращается к своему марафету. Я закрываю дверь и возвращаюсь к себе в комнату. Зажигаю свечу, завариваю себе теплый зеленый чай, включаю рандомный плейлист на ютубе. Это мой ритуал после сложного рабочего дня. Обычно после таких конференций мне сложно воспринимать какую-либо информацию и хочется просто посидеть без каких-либо мыслей. Но сегодня я устаю сильнее обычного, и глаза закрываются. Настолько сложно подняться с кресла, что я решаю впервые за много лет лечь спать даже с несмытым макияжем. Иду в ванную по-быстрому принять душ и почистить зубы, переодеваюсь в пижаму и ложусь в кровать. Ютуб продолжает играть в случайном порядке. Постепенно окунаюсь в сон под треки из нулевых. Так тепло на душе. Машина времени все же существует – это музыка. Именно она способна переместить нас мысленно в те времена, когда мы активно слушали те или иные композиции.

Под «Ты должна рядом быть» Димы Билана мы с подругами Улей и Алей отрывались на концерте журнала Yes! в

седьмом классе. Пробрались в первый ряд толпы и своими глазами видели нашего кумира на расстоянии всего нескольких метров. Под «Candy shop» 50 cent'а мы разучивали хореографию на день учителя. Смешно, конечно, вспоминать: с такой композицией учителей поздравлять. Но воспоминания остались: вот мы с той же Улей и Кристиной ставим номер. Точнее, ставит его нам Кристина, ведь она занималась хип-хопом и R'n'B, и неплохо танцевала. Каждый раз после уроков мы бежали в актовый зал заучить новую связку. Вот «Listen to your heart» Roxette, которую я пела на последнем звонке. Какое-то время я занималась вокалом. Не профессионально, так, больше для себя. Хотя преподаватели и говорили, что у меня есть все данные для этого. Помню, как стояла тогда в небесно-голубом платье, похожим на то, что носят голливудские актрисы, и исполняла эту композицию перед всей школой. Было страшно, но вместе с тем очень волнительно – в хорошем смысле. Мне казалось, что вся школа застыла, боясь дышать, чтобы не прервать мой номер. А после все разразились такими громкими аплодисментами и выкриками поддержки, что я помню ту свою дрожь до сих пор. Какие чудесные были времена… А каждый год перед зимними праздниками наша классная на переменах постоянно включала нам старые новогодние песни. Слушая очередную из них, я наконец полностью проваливаюсь в сон.

***

«Я знаю точно невозможное возможно!..» - сквозь пелену сна слышу я и пытаюсь продрать глаза. – «Сойти с ума, влюбиться так неосторожно!..»

Ютуб играет подозрительно громко. Будто это и не ютуб вовсе. Неужели моя Ангела перешла на нормальные песни? Открываю глаза. И не понимаю, что происходит. Где я? В комнате оранжевые стены, облепленные плакатами из журналов «Все звезды» и «Cool». Это же мои плакаты!.. Вот тот же мой любимый Билан, любимая Аврил Лавин, Бритни Спирс… Каким образом я оказалась в комнате, где в точности воссозданы мои плакаты?.. Понимаю, что музыка играет из магнитофона. Когда-то я его использовала в качестве будильника, предварительно настроив на лав-радио. Как сейчас помню частоту – 106.6 ФМ.

- Варя! Ты встала? – слышу я голос мамы. Оборачиваюсь, глядя на дверь. Дверь открывается и за ней появляется мама. Но… Она совсем другая. У нее нет морщин, волосы не седые…

- Мама?.. – говорю я.

- Ну а кто еще…- смеется мама. – Ты ж вроде со своими одноклассниками «Отвертку» за гаражами не пьешь? Или пьешь?..

- Не пью… Ты такая… молодая…

Мама начинает смеяться: - Ага, помолодела, пока три дня в командировке была. Вставай давай, опоздаешь в школу.

Мама закрывает дверь. Я сижу на кровати в полном шо-

ке. В школу?! Вижу периферийным зрением что-то блестящее. Опускаю глаза и вижу свои руки. На ногтях ярко-синие блестки. Бог мой. Вот это безвкусица. И как я такой маникюр себе делала… А еще на Ангелину наехала вчера, что она веки себе блестками мажет. Сама я веки может не мазала. А вот ногти – очень даже да. Все еще ничего толком не понимаю, оглядываюсь вокруг.

Вон стоит мой книжный шкаф, большая часть книг из которых – учебники и воркбуки по английскому и испанскому. Любовь к языкам у меня проснулась рано. И уже классе в седьмом я твердо была уверена в том, что стану переводчиком. Чуть дальше от шкафа стоит комод, на котором кучей лежат журналы. Я встаю к кровати и подхожу к комоду. Тут мои любимые Yes!, Elle girl, Oops… Лежат они только не пойми как. Я поднимаю их и потихоньку складываю в одну ровную стопочку.

Выхожу в коридор, чтобы через него пройти на кухню. Мама уже стоит в прихожей одетая. На работу она всегда выходила раньше всех.

- А Саня где, снова у Юрки ночевала? – спрашивает она. Я пожимаю плечами. Саня, то есть Саша – моя старшая сестра. Ей двадцать один, но еще с момента, как ей только исполнилось восемнадцать, она вовсю начала пользоваться «прелестями» взрослой жизни – редко ночевала дома, в основном была в клубах, у своего парня Юры или у подруг. Ну мне же и лучше, потому что отношения у нас с ней были так себе.

- Я тебе вчера новый выпуск твоего Oops купила. Вот там у на столе у зеркала возьми.

Я опускаю взгляд на зеркальный столик. На меня с обложки смотрит молодая красотка Ферги, которую я помню еще по Блэк айд пис, но как раз в то время она уже вовсю строила свою сольную карьеру. Я беру журнал в руки. Это декабрьский номер. По году выпуска я понимаю, что мне на днях исполнилось семнадцать. Я вернулась в свои семнадцать…

- Я пошла, зайка. Ты только тушь хотя бы вытри. Опять с макияжем уснула? Ну хорошо хоть стрелки не смазались, карандаш у тебя ого-го какой устойчивый. Не понимаю, правда, вас, молодежь, зачем вам такие огромные жирные стрелки делать…

Мама уходит. Я поворачиваюсь к зеркалу. Немного ужасаюсь. Стрелки и правда – жесть. Сейчас бы, конечно, в свои тридцать пять я бы точно их не нарисовала. Но тогда это было модно. Все рисовали себе стрелки. Я снова вспоминаю свою Ангелину. А может, и правда: у них в школе все так ходят и она тоже не хочет отставать от трендов? Да и наверняка ей нравится… Мне же этот ужас когда-то нравился.

Я захожу в ванную, нахожу ватный диск и средство для снятия макияжа. С силой вытираю стрелки. Карандаш и правда очень стойкий – смывается с трудом. Наконец, приведя свое лицо в порядок, я направляюсь на кухню в поисках еды. Но все, что я нахожу на столе - это сыр, колбаса и хлеб. Да, маме некогда было с нами возиться и думать о том, что

мы едим. Главное, чтобы с голоду не умерли. Так что, бутерброды в ее понимании – вполне нормальная еда. Ну главное, что это съедобно. Обедала я обычно в школе, а ужин и вовсе пропускала – типа следила за фигурой. Сейчас мне от всего этого смешно. Вот это методы у нас были: питаться на 800 ккал в день… Какой ужас. И ведь никто нам не объяснял, как важно питаться правильно.

Просматриваю содержимое холодильника. Где-то завалялись пара яиц и пакет молока. Делаю себе омлет – хоть какой-то белок. Добавляю сыр сверху. Завариваю чай, а не этот химозный кофе из пакетиков, который я пила всю старшую школу. Смотрю на часы – уроки начнутся через полчаса. Я всегда была примерной ученицей, училась не прям прилежно, но школу никогда не прогуливала и с учителями никогда не препиралась. Но сейчас же мне не 17. Точнее, 17 внешне, но внутренне – 35. Я уже знаю, что я успешный переводчик, зачем мне тогда в эту школу идти? И решаю, что не пойду. Вот так впервые я решила прогулять. Не в 17, а в 35. Забавно.

На подоконнике вижу свой mp-3-плеер: маленький, салатовый, стильный. Помню, как в те времена его все хотели. Мама подарила мне его как раз на тот 17-й день рождения, и я сразу же побежала закачивать в него песни, которые уже давно держала в специальной папке, куда я кидала песни с сайта зайцев.нет. Я надела наушники и включила плеер. Там заиграла песня Гвен Стефани – «The sweet escape».

«If I could escape, I would, First of all, let me say, I must apologize...» («Если бы я могла сбежать, я бы сбежала, но сперва позволь мне извиниться...»)

Жму на паузу, и решаю побродить по квартире, вспоминая, что еще было в той эпохе – 18 лет назад. Раз уж я все равно застряла в этом времени и совершенно не понимаю пока, как именно я сюда попала и как отсюда выбраться. Иду в гостиную. Там стоит компьютерный стол и, собственно, сам компьютер. Вообще он был мамин, ей он нужен был для работы. А когда она не работала, за комп часто дрались мы с Сашей. Но последние несколько лет сестра почти не бывает дома, поэтому комп по большей части в моем распоряжении.

Сажусь за стул, включаю большую кнопку на системном блоке пальцем ноги – всегда так делала. Как только компьютер включается, я моментально слышу «О-оу». О, Боже. Аська! ICQ! Оно еще живо в эти времена, точно.

БарАнка: ну ты где???

Это пишет моя лучшая подруга и одноклассница по совместительству. Зовут ее Аня, а фамилия – Баранова. Поэтому в школе ее часто кличут Баранкой. Кстати, потом она выйдет замуж и станет Анной Козловой.

SnowWhite: дома

БарАнка: в смысле дома??? Ты чего там делаешь?
SnowWhite: я заболела

Вру напропалую. А что еще мне остается? Но Баранка не отстает.

БарАнка: да кому ты врешь, ты бы сказала. Опять поссорилась со своим ненаглядным?

Тут я с ужасом вспоминаю, что и правда – с 10 по конец 11 класса я встречалась со Славой Вершининым – парнем из своей параллели. Человеком, поломавшем мне всю психику напрочь. В этот момент я слышу, как пищит телефон.

О, боже! Это же моя любимая розовая моторола-раскладушка. Хватаю ее и нежно прижимаю к груди. Ее хотели все девчонки, и вот тогда на 17 лет мне ее и подарил папа. Они с мамой в разводе, но в хороших отношениях. Хотя с папой я не так часто вижусь из-за его занятости на работе и из-за вечных командировок. Но праздники – это святое. Он всегда приезжал, чтобы поздравить нас с Сашей лично. И этот день рождения не был исключением. Я помню, как папа по телефону сообщил мне, что не сможет приехать – впервые на моей памяти. Конечно, я очень расстроилась. Но виду не подала. А потом оказалось, что он хотел сделать сюрприз, и приехал все равно. Как я радовалась!

К сожалению, папы не стало, когда мне исполнился 21

и только-только родилась Ангела. Папа успел только познакомиться с моей дочуркой. А потом произошел несчастный случай на машине, который мне до сих пор тяжело вспоминать. Папа! Быть может, я смогу еще его увидеть?..

Вижу на окошке телефона отметку о новом сообщении от Славы.

«Чего не отвечаешь?»

До этого от него было только одно смс позавчера – «С днем рождения!». И все. Никаких тебе «любимая» или «дорогая». Сухое «С днем рождения». Конечно, я ничего не ответила. Очень помню тогдашнюю свою горечь. Слава был для меня всем. И получить такое поздравление от любимого человека было равносильно удару в спину. Так он еще и молчал потом полтора дня.

«Спасибо.» - отвечаю я и кладу телефон в сторону.

«Подарки-то получила?» - продолжает Слава.

Смотрю на диван. Там сидит огромный медведь. А на полу ведро с большим букетом роз. Это был подарок Славы. Только как сейчас я понимаю, делал Славик такие щедрые подарки не столько для того, чтобы порадовать меня, сколько для того, чтобы попонтоваться перед другими, какой он крутой.

«Да, спасибо, классный медведь и красивые розы,» - отвечаю я.

«А чего фотки Вконтакте не выложила?»

Что и требовалась доказать. Показуха – вот что всегда

нужно было Славику. Решаю ничего не отвечать. Сейчас-то с позиции 35-летней женщины я понимаю, каким сложным человеком был Слава. Но тогда, в 17, я искренне верила каждому его слову, даже тогда, когда он говорил, что это я что-то делаю не так, а не он. Он целовался с девчонкой из девятого «б»? Так это я все не так поняла. Это был дружеский поцелуй. И это мои проблемы, что я это не принимаю. Сейчас у меня волосы дыбом встают от этих отмаз. А тогда я реально думала: а может, я слишком категорична?.. Что ж, у меня есть теперь возможность отыграться и переписать свой опыт так, чтобы хотя бы постфактум спасти свою психику.

Открываю браузер на компьютере. Сразу же открывается Вконтакте. О, боже, та самая стена, которую мы так давно просили Дурова вернуть на место! Там граффити от Ани и от Ильи – моего одноклассника. Аня рисует мне цветочки и пишет комплименты, Илья – рисует динозавриков. Это был наш с ним прикол. Уже не помню, откуда он пошел, но как-то мы с Ильей придумали свою систему оценок – «динозаврью». «Пятерка» - это ти-рекс, «четверка» - стегозавр, «тройка» - трицераптопс. Обычно я была «ти-рексом» в русском, литературе и английском, и «трицераптопсом» в точных науках. Илья же был «ти-рексом» в физике, информатике и математике, и «стекозавром» в гуманитарных науках. И мы так друг друга иногда поддерживали: «Не переживай. В худшем случае будет маленький травоядный».

Поднимаюсь по странице выше. Там моя самая первая фо-

тография, которую я поставила Вконтакте. Это было селфи на фоне занавески, конечно же. С теми самыми жирными огромными черными стрелками на пол лица. «Лайков» тогда еще не было, оценить «крутость» фото было невозможно. Вверху вижу статус: «Если любишь – отпусти. Если твое – вернется». Фейспалм и занавес. Вот это кринжатина, конечно. Я даже помню, о ком идет речь. О Славике, конечно. Подсознательно я тогда понимала, что надо бы расстаться, и мы даже несколько раз и правда расставались, но потом сходились снова. И я наивно думала, что вот оно: вернулся – значит, судьба.

Я тогда вообще придавала первой любви ну очень большое значение. Мне казалось, что именно первая любовь должна стать той единственной и навсегда. Конечно, прекрасно, когда так получается, но все же статистику не обманешь: большинство первых влюбленностей и любовей заканчиваются далеко не свадьбой. Но мне всегда хотелось быть исключением из правил. Поэтому я терпела все, что уважающая себя девушка терпеть бы никогда не стала. Но приду я к этому только спустя полгода.

БарАнка продолжает атаковать аську. Вспоминаю, что у аськи было одно крутое преимущество – режим невидимки. Ставлю его. И продолжаю серфить по вк-страницам. Семейное положение – «встречается с Вячеславом Вершининым». Захожу на страницу к Славе – на аватарке у него фото по пояс, сделанное профессиональным фотографом. Там он в

рубашке и брюках, стоит чуть боком на фоне какой-то парковки то ли ТЦ «Мега», то ли «Европейского». Подбородок чуть приподнят – надо же невербально показать всем, кто тут самый крутой. В руках у него якобы ключи от машины, но на самом деле – от почтового ящика – это я помню. Славе 17, у него ни прав, ни тачки. Зато понтов выше крыши.

Вижу, как ему на стене какие-то девчонки из девятого и десятого классов оставляют граффити с сердечками. О, как мы из-за этого ругались. Славе казалось, что в этом нет «ничего такого». Перевожу взгляд на семейное положение: «Все сложно с Варей Зиминой». Вот пёс. И из-за этого мы ругались, но он не менял сп, и говорил, что поменяет только тогда, когда я «изменюсь». Измениться в его понимании значило не «выносить мозг» из-за всякой «ерунды». «Ерунда» для него – это признания в любви от девятиклассниц, и чмоки в губы с теми же влюбленными в него дурочками, которые о понятии «женская солидарность» тоже ничего не слышали, конечно. Но и я виновата в том, что позволяла Славе так с собой обращаться. Что ж, Славик, хотел, чтобы я изменилась, пожалуйста – убираю семейное положение вообще. А потом вспоминаю, что когда человек его не убирает, а меняет, то это отображается в новостной ленте. Улыбка сама появляется на моем лице, и я нарочито ставлю «В активном поиске». В этот момент начинает звонить моя розовая моторола. Смотрю на дисплей – «Анютик». Ну нет, я не возьму трубку. Кладу телефон дисплеем вниз, чтобы не видеть оче-

редных звонков, и захожу во вкладку с музыкой. Интересно, что у меня там? Врубаю первый трек. Названия у него нет, как и имени исполнителя, поэтому я не знаю, что меня ждет.

«На тебя смотрела и не знала,
Уходила, даже не скучала.
А слова твои пустые строчки.
Как в предложениях маленькие точки.
И опять ты окна открываешь…».

Сердце сжимается точно так же, как и в те времена, когда я ее слушала. Она у меня ассоциируется исключительно с ссорами со Славиком. Неудивительно, что она у меня первая. Я ее как добавила, нового ничего не слушала, по ходу.

Внезапно мои «эмоциональные сопли» под трек некой Оленьки прерывает звук телефона. Но это не моя моторола. Я уже настолько отвыкла от существования домашнего телефона, что не сразу понимаю, что это именно он звонит. Почему-то решаю взять трубку.

- Алло?..

- Варя, блин! Ты когда придешь?!

Это была Аня, которая решила позвонить мне из учительской – мы так иногда делали. А еще, когда учились классе в восьмом, под видом того, что нам нужно позвонить, заходили в учительскую, втихую брали классные журналы старшаков, открывали на последней странице – там, где личная

информация, и переписывали себе номера телефонов наших крашей. А потом звонили им и дышали в трубку, конечно же.

- Ань, я же сказала, что заболела!..

- Да не ври! У меня уже Веруня спрашивает, где ты, и не верит, что ты болеешь… Потому что ты чокнутая и даже с температурой под сорок приходишь! Быстро дуй сюда, мне без тебя грустно!

Веруня – это наша классная. Ну вообще Вера Сергеевна, а Веруня – только между нами, одноклассниками. Она пришла работать в школу еще когда сама была студенткой, и разница в возрасте у нас с ней совсем небольшая – всего семь лет. Ведет она у нас географию и экономику.

А что, может в школе и прикольно будет? Особенно с учетом того, что я уже точно знаю, кем стану, когда вырасту. Буквально. И переживать из-за двоек и троек по химии или физике мне совсем не обязательно. Тем более, Аня права. Я крайне редко пропускаю школу. Будет слишком подозрительно, если я не приду вообще.

- Ладно, давай к третьему уроку подтянусь…

Третий урок начнется через час, если мне не изменяет память. Идти до школы всего пять минут. Надо только привести себя в какой никакой порядок. Плетусь в свою комнату, открываю шкаф, охаю от кавардака, который там устроен. Моментально вспоминаю свою Ангелку, у которой каждый раз вид в шкафу такой, будто там торнадо прошелся. Вздыхаю, начиная осознавать, что подростки все если и не одина-

ковые, то точно похожи. И когда я ругаюсь на дочь, я почему-то забываю о том, какой в ее возрасте была я.

Вытаскиваю из шкафа буквально первые попавшиеся джинсы и кислотно-розовое худи. Что ж, надену их. Как-то так я и одевалась в те времена. Не особо меня привлекали платья и юбки, одежда была максимально простая и часто и правда из серии «первое, что нашла в шкафу». Вижу свое отражение в зеркале. Какое миловидное лицо, какая нежная кожа… Провожу рукой по щеке. Вспоминаю тонны тоналки, которыми я зачем-то пользовалась. Мне казалось, что так моя кожа выглядит «ровнее». Хотя, куда ж еще ровнее, когда тебе всего 17?.. Естественно, сейчас я краситься не планирую. И стрелы эти ужасные тоже рисовать не буду. Разве что, взгляд зацепился за блеск для губ, который небрежно валяется у меня на зеркальном столике. Господи, это же Lancôme Juicy Tubes, который тогда был так популярен.!.. У меня был оранжевый. Не удержалась – намазала им губы. Именно намазала. Он восхитительно пах, но также восхитительно липнул.

Беру рюкзак, хотя я даже не в курсе, какие сегодня уроки. Иду в коридор, и понимаю, что меня ждет новый квест: обувь. Чтоб вы понимали: либо у меня сапоги на каблуках-ходулях (как я не переломала себе все ноги, да еще и в гололед?), либо это просто кроссовки (зимой, ага), которые мы называли «тапки». Обычно их носили скейтеры. Я, конечно, скейтером не была, но очень эти кроссовки любила и

носила с удовольствием. Ну и, как вы могли догадаться по моему гардеробу, обычно у меня было два настроение: либо я в джинсах и хоть каком-то женственном свитере, и тогда на ногах обязательно эти двухметровые каблы; либо у меня совсем нет настроения, и я иду в кроссовках и худи или вообще спортивном костюме. У меня было несколько – бордовый, голубой и фиолетовый в стиле Габриэль Солис из «Отчаянных домохозяек». Надо будет найти, они поприличнее будут, чем этого худи вырви-глазного цвета, который я нацепила сегодня.

Прыгаю в свои «тапки», надеваю шарф с шапкой, затем - пуховик, который мне почти по щиколотку. Беру ключи, выхожу из дома и закрываю дверь на два оборота. Жили мы в пятиэтажке на втором этаже. Лифта нет, поэтому я бегу вниз пешком. Шустро выбегаю из подъезда и направляюсь к школе. Морозный запах бодрит сильнее, чем кофе. Понимаю, что надо было бы поддеть шерстяные носки, ведь «тапки» явно не для морозов минус двадцать придуманы были.

Захожу в школу, стягиваю с себя шапку, здороваюсь с охранником, поворачиваю направо – если я правильно помню, раздевалка для «старшаков» была именно там. Слева была для началки. Словно по инерции иду в угол – обычно туда я вешала куртку. Внизу висит моя сменная обувь – нас ругали, если мы оставляли ее в школе, но носить ее постоянно было так лень, что мы все равно оставляли. Угадайте, что в пакете со сменкой? Да, еще одни «тапки». Переобуваю «тап-

ки» на «тапки» и, пока звонок с урока еще не прозвенел, решаю пройтись по этажам и освежить в памяти, как выглядит школа, в которой я проучилась все 11 лет…